

ВИКТОР ДЕВЕРА

Храм любви

КНИГА 3. ШАГ В БЕЗАНУ

Виктор Девера

**Храм любви. Книга
3. Шаг в бездну**

«Издательские решения»

Девера В. И.

Храм любви. Книга 3. Шаг в бездну / В. И. Девера —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969183-5

В данной книге как продолжении предыдущих говорится о дальнейшем развитии событий. Скрытая любовная измена главной героини и кража денег делает все мероприятия по дальнейшему продвижению ее песен невозможными. Главный герой, не подозревая об измене, проводит невероятную сделку и с нуля вновь зарабатывает деньги для продвижения задуманного ими мероприятия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969183-5

© Девера В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 7. Шаг в бездну	6
Глава 8. Новая жизнь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Храм любви

Книга 3. Шаг в бездну

Виктор Иванович Девера

© Виктор Иванович Девера, 2019

ISBN 978-5-4496-9183-5 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-1957-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 7. Шаг в бездну

Когда молодой человек увлекается дамой и, отдавшись порыву сердца, теряет голову, это всем понятно. Когда это делает взрослый мужчина, говорят: седина в бороду – бес в ребро.

Автор

Так, находясь в горьком уединении с компьютером, он почти взахлеб прочитал ее небольшой роман. В душе появились некоторые сомнения. Подперев голову рукой и немного подумав, вдруг заговорил и не заметил, что разговаривает с собой, как будто бы с ней.

– Нечего себе «Леди грез». То ли сказка – то ли о-е-ей, как по промежности косою. Хотя ... – он снова задумался. – Реальность как фантастика? Сомневаюсь, имеет ли право быть такой случай? Несомненно, наступила и на религию, и на сотворение мира. Если все книги мира являются продолжением Библии, то тут, похоже, наезд на нее, и небесная молния может быть неизбежной. Нельзя исключить и нерукопожатной ситуации автору. Можно не соглашаться. Можно поспорить, но почему бы не быть и такой точке зрения, ведь есть и историческое, и философское обоснование. Отчего мужчина может быть неосуждаемо развратным донжуаном, а женщина нет? Может быть, рассуждения порой излишни, но таков ее стиль, а в русской литературе я подобия не знаю, и в мировой, кажется, глубокого раскрытия святой тематики женского целомудрия нет.

Нет, он не мог утверждать, что фантастическая и мистическая реальность сюжета была написана небездарно, хотя и имелись некие сюжетные недостатки. На них можно было не обращать внимания, так как она отвечала задачам литературы искать истину и представляла новый взгляд и подход к попытке раскрыть ее. Несмотря на это его так и подмывало что-то исправить, хотя это, скорее, было дело автора и издателя. В основном увидел в нем много серьезных и далеко не простых для ее возраста размышлений. Для него однозначно работа была своеобразной, смелой и не лишенной смысла. Почему она находилась в мучительных сомнениях по поводу публикации, не понимал. Более того, автор, казалось ему, продолжал их спорные религиозные размышления. По ходу чтения он в своем блокноте карандашом даже сделал замечания для беседы с ней, по которым хотел бы, чтоб она скорректировала текст.

«Мир должен придерживаться красоты и любви как высшей формы ее проявления, а с кем и как, это для него было не вопросом, который пыталась решать она, – так, сам с собою, продолжал размышлять он. – Поставлены под сомнения родственные отношения и поднята пыль традиционной морали человеческого сознания. В романе это хорошо и критически освещено, и чего еще надо, не знаю, – по-прежнему продолжал размышлять он. – Беда, наверно, в том, что поставлены под сомнение общепринятые традиционные устои. На Западе

от этих проблем уже давно сходят с ума во вседозволенности. Поет революцию нравственности, но художник должен быть революционером. Многие революционеры выросли из творческой элиты. Так как с детства ненавидела насилие, то и сейчас в творчестве продолжает выполнять эту миссию, хотя насилие и проявление силы всегда были аргументом принуждения к согласию и даже к сексуальному выбору в гаремах животного мира. Сила и ее воспроизводство в потомстве – всегда гарантия выживания в природе, и курица убегает от петуха лишь для того, чтоб понять, что он еще ого-го. Бежит же петух для порядка, а любит тех, за которыми бегать не надо, и потому и самка бежит, сопротивляясь для приличия. Любовь, – полагал он, – должна быть контролируемой формой общения и чтоб не рождались чупакабры, как в его сказке, которую показал ей он, когда была в гостях».

Здесь он начинал спорить уже с самим собой. Отогнав эти мысли, говорил себе, что попытки сделать из имеющегося материала что-то другое могут привести еще к худшему варианту. Видно, это ее и волнует. Найти же издательство, которое могло бы издать ее, делом было несложным, были бы деньги.

«Будут ли читать? – задавал он себе почти вслух скорее риторический вопрос. – Хотя эротика для пикантности в романе представлена, да и действий как бы было достаточно. В этом смысле надежда на интерес читателя сохранялась, но на большие деньги она надеется зря», – решил он.

Тут он вспомнил из ее рассказа, что хотя не за этот, а за другой сюжет ей как будто были обещаны какие-то деньги. «Может быть, воспользоваться для продвижения? – спросил он себя и тут же отказался от этой мысли, вспомнив, что того человека она, с ее слов, покарала магической смертью. – Может быть, и это все ее домыслы, сложный человек, но, безусловно, не бездарна», – решил он.

Если бы он сам раньше занимался литературой, он без колебания бы взялся, чтобы как-то ее еще подкорректировать и улучшить сюжет, чтоб обойти острые углы, но это было бы уже его произведение. Нет, он всегда неплохо знал литературу и сам иногда писал свои песенки. Однако был убежден, что рифмовать слова в наше время при желании может каждый грамотный человек. Тут требовались только некий опыт и душевные обстоятельства. Род его прошлой деятельности и семейные заботы давно убили в нем зачатки писательского таланта, а с этим и желание к серьезному прозаическому творчеству.

Пробудить дремлющие в нем способности мог лишь сильный эмоциональный всплеск. В момент своих размышлений он еще не знал, что этот эмоциональный вихрь его уже подхватил. Какой-то неведомой силой его душа сливалась с ее душой. Под впечатлениями прочитанного он плыл в размышлениях, как ежик в тумане из известного мультфильма, и не думал, что глаза, слова и песни могут обладать магической силой. Этот туман без страха насилия его уже подсознательно принуждал к любви. Перед его глазами вновь появился ее образ, будто какая-то кармическая связь в мыслях делала его слабым и управляемым.

Он, вспомнив ее предложение жениться, покрутил головой, будто пытаюсь освободиться от ненужных, навязчивых размышлений, и вдруг сконцентрировался на этом. «Жениться, жениться, жениться...»

Он всегда говорил себе, что умная женщина обычно плохая хозяйка и для семьи не годится. Домашнее рабство – это не их стихия. Свободу от него могут дать только деньги с домохозяйками, а к этому он был не готов. Другой случай – мудрая женщина. Такая никогда не посмотрит на мужчину с высоты своего ума. Она даже свой ум постарается сделать гордостью мужчины, а свою заботу – радостью для дома и мужа.

Свою жену он мудрой не считал. С ней он уже не жил даже нормальной сексуальной жизнью. Она была из тех женщин, о которых говорят: неяркая снаружи, но гордая в душе. Нет, она была не дурнушкой, а по-своему привлекательной женщиной. Такие никогда не унижат

себя проявлением своей любви. Они гордо ждут обхаживания мужчины и, рухнув после взятия их гордыни, все-таки остаются холодными в постели.

Доступ к ее телу один—два раза в месяц его не устраивал, так как секс превращался в одноразовую хлопковую радость. «Ты что, любишь прокисших мужчин? – замечал он ей. – С такой, как у тебя, потребностью мне нужно три жены». Она отмалчивалась. В отношениях не было необходимого взаимного уважения. Она давно не дарила ему ни ласки, ни нежности. В постели стала совсем холодной фригидной кобылой и его ласки старалась игнорировать, ссылаясь на то, что он ей причиняет боль, то придавит не там, то надавит не так.

«Обычная женская ложь, – подумав, решил он, – а может, есть другой», – но эти мысли гнал от себя. Некоторое время он все же старался раскрывать себя полностью, искренне делаясь своими переживаниями, но в ответ слышал насмешку. Пытался что-то делать и надеялся на то, что лед ее растопит. Если один из партнеров отдается целиком, он может сломать любую стену, выстроенную другим человеком, насколько крепкой бы она ни была, считал он. Своим актом самоотдачи он призывал ее к взаимности и доверию. Однако его сексуальная энергия не передавалась ей и не возбуждала в каждом волоске его тела обратной энергии. Совместного ни кожного, ни душевного дыхания так и не появилось, как и совместной эмоциональной территории счастья. Телесный конфликт, как всегда, порождал душевный.

Как-то у нее в сексуальной близости даже в сердцах вырвалось: «Скорее бы ты атрофировался», и это камнем упало на его сердце. Чувствуя отсутствие взаимности, он тоже остыл, перестал дарить ей ласки и домогаться взаимности, требуя выполнения супружеских обязанностей. В какое-то время он, требуя от нее ласки в постели, услышал: «Что, тебе и душу еще надо? А если я не умею любить?!» Он посмотрел на нее и как отрезал: «Ничего мне от тебя не нужно». На ее грубость стал отвечать еще большей грубостью, и это ее остановило от дерзости. Его солдафонские, как она выражалась, шутки и привычки необтесанного мужлана ей не только не нравились, но и вызывали раздражение. Первое время она делала замечания, потом стала сравнивать его с плебеем, а себя относил к королевским кровям, стараясь хоть этим как-то его перевоспитать. По характеру она была очень сдержанной и высокомерной женщиной. Ему за такие удары по сознанию хотелось врезать ей по зубам, чтобы заставить ее перестать щетиниться, но это не было его принципом, так как зарекся в детстве не трогать женщин. Он видел, как отец издевался над матерью и им в детстве, и насилие над женщиной стало в его сознании непрощенным грехом. Ласковое произношение имени и отношения все-таки стали сухими. Она замкнулась в себе. Оставаясь наедине друг с другом, они практически не находили общих тем для бесед и общения, кроме как о необходимых покупках и заботах по дому.

Через некоторое время она установила ему отдельную кровать, и он к ней совсем потерял сексуальные желания. Их семья стала просто кооперативом по выращиванию детей и ведению совместного хозяйства, где обязанности заменили чувства, и семейная необходимость с повседневными заботами быта заменила любовь. Есть известная мудрость жизни: «Если фригидная жена потеряла способность или не может дарить нежность и ласку, то должна готовиться к тому, что эту радость ему предоставит другая».

Жену, похоже, устраивало даже такое положение их отношений. Она старалась только сохранять отца детям. Он исправно приносил деньги в пределах необходимых материальных потребностей семьи, и когда жена требовала большего, он отвечал, что большего надо заслужить, намекая как бы на ее невнимание к нему и фригидность.

Он жил своей непонятной ей жизнью, она – своей. Летом они жили на разных дачах. Потеряв душевные интересы, они, по сути, стали коммунальными соседями, и даже квартира, в которой они жили, казалась ему чужой, не вызывая у него должной мужской заботы.

Как-то, побывав на выставке одной подольской художницы, он заказал несколько картин, одну из них он назвал «Женщина, убивающая страсть». На этой картине была изображена сидящая обнаженная женщина. Опершись одной рукой на кровать, она другой рукой, с искоре-

женным криком лицом, пронзала кинжалом дракона, набрасывающего на нее. Хвост дракона исчезал в женском чреве, между ног, как будто вырывался из ее плоти.

На другой картине, которую он назвал «Королева фригидности», была изображена в некоем ледяном храме обнаженная женщина изо льда, возносящая одну ногу на ледяной трон. Перед нею, согнувшись под тяжестью поднесенной ей чаши, как Геракл под ношей мира, стоял обнаженный мужчина. Сверху на этой чаше стояла олицетворяющая свет любви свеча. Королева, придерживающая сползающую с головы корону, поливала на горящую свечу воду. Вокруг из ледяных сугробов торчали замершие мужские головы, будто бы ее возлюбленных. Даже замерзшие цветы и птицы казались надгробным украшением этого храма фригидности. Жена некоторое время терпела эти картины, потом, ссылаясь на то, что эти картины ее угнетают и нагнетают депрессию, потребовала их убрать. Он был вынужден их вынести в чуланчик на лестничной площадке. Они были там вместе с ночным светильником из лакированного чучела головы огромной щуки. Из открытой, светящейся ее пасти вылезали две светящиеся русалки со свечами. Там, из подсобки, через некоторое время их и украли. Жена только обрадовалась и перекрестилась, если не подстроила все это сама.

Она не понимала, что любой полноценный мужчина – это активный творец и созидатель, идущий к какой-то цели. В этом стремлении и только в борьбе за нее он ощущает себя мужчиной.

Женщина в этой жизни нужна ему как опора и надежный тыл. Отсутствие этой вертикали и женских гарантий жизни многих мужчин приводит к пьянству. Реализовать и удовлетворить эту мужскую потребность не каждая женщина способна. Поиск через случайные знакомства похож, скорее, на слепой выбор. Даже в интернете он похож на поиск черного кота в темной комнате. У кого есть возможность, те воспитывают свои идеалы из девочек подросткового периода. Воспитание в семье и школе в его время было далеко от этих проблем.

Однако инстинкт, заложенный в женской природе, это скорее движение по горизонтали быта, а не по социальной вертикали жизни. Надежда относилась к последнему типу, а его жена все-таки была хозяйкой. Развитие этой горизонтали должно быть основной целью женского воспитания. Он всегда в этом был уверен и считал, что они всегда должны быть в поиске своего творца, гнезда счастья. Только в этом они могут быть их повелителями, которым они готовы стать любовью, стать жертвой и в этом видеть свою судьбу и счастье. Стать средством, плотью и началом мужского движения к цели – предназначение женщины. Его жена как порок бесполого советского воспитания жила вне этих понятий, в своем мире детективных книг, которым отдавала много времени. Идеалы равноправия изуродовали многих, а не только ее.

Однажды как-то в дом пришли гости, и он, в полутьме и впопыхах торопясь в магазин за угощением, вытер ботинки упавшей на пол тряпкой. Тряпкой оказалось полотенце. Увидев это, жена властно, стараясь выразить свое превосходство, сказала ему:

– Теперь постирай, дурак.

Ему стало неловко слышать это от жены, да еще в присутствии гостей. Он и без этого был раздражительным от сексуальной неудовлетворенности в совместной жизни, и эта придирка заставила его вспыхнуть. Однако он как смог сдержал себя, чтоб не скатиться к уголовщине.

– Ты как со мной разговариваешь? Так можешь с кем угодно говорить, но только не с мужем, от такого общения все половые чакры совсем засохнут. Я не прощаю проявление неуважения к себе и заставлю себя уважать, – подошел к открытому окну и, выбросив полотенце на дорогу, спросил ее: – Что еще постирать? Пока есть настроение, постираю.

– Ненавижу! – выдавила она из себя и заплакала в бессилии.

– Ты плебей, – сказала она как-то в разговоре ему.

– А ты кто тогда? – поинтересовался, в свою очередь, он.

– Я знатных кровей, и это я в себе чувствую.

– Ты простой преподаватель на уровне бездарного инженера. Что ты о себе возомнила? – возмутился он. – Такие, как я, творят, а такие, как ты, только наслаждаются их плодами. Я руководил отделами, цехами предприятий и подразделениями военных. Предо мной командиры подразделений стояли на цыпочках. Я кормлю и одеваю тебя, брошу и станешь просить милостыню, потому что твоей заработной платы не хватит тебе даже на проезд в метро. Ты не умеешь любить в малом, а значит и большого не найдешь, да и последнее потерять можешь.

Естественными стали задержки и отлучки его из дома. Как-то он пришел слишком поздно и ключом не смог открыть дверь. Стал стучать, а в ответ услышал:

– Где был, туда и иди.

– Если ты сейчас не откроешь дверь, я на счет «десять» ее вышибу, – сказал он и стал считать.

Дверь открылась, и больше никогда она ему условий не ставила. Смирившись со всем, она теперь уже боялась потерять его как кормильца и старалась только сохранить отца для детей. Был ли у нее другой мужчина, он уже понять не мог, да и потерял к этому интерес. Он плыл по течению, и это ему было безразлично. Правильно или неправильно он жил? Скорее нет, чем да, но что-то менять в его возрасте и начинать все сначала было уже поздно. Он понимал, что начинать свою жизнь снова у него не хватит больше сил. Дети заканчивали только школу, а возраст уже за пятьдесят, и бросить свой крест ему не позволяла отцовская совесть с ответственностью за судьбы детей. Однако когда сын стал довольно большим мальчиком, он заметил, что ведет себя все так же, как малыш. Тогда понял, что постоянное нахождение детей у материнской юбки с ее опекой для него обернулось трагедией. Все началось с того, что сын объяснился в любви к матери. Было ли меж ними что-то интимное, он не видел, да и предположить не мог и думать не хотел, но какое-то чувство ущемленности в сознании осталось. Скорее, так отражалось залюбленное материнское воспитание. Это предчувствие его еще больше отдалило от сына и от семьи вообще. Он почувствовал, что как будто стал чужим. Жизнь потеряла смысл. Семья практически распалась, и он порой не знал, что делать и куда девать самого себя.

В этих размышлениях и воспоминаниях он провел всю ночь, не сомкнув глаз от внутреннего возбужденного состояния.

Перебирая свои бумаги, неожиданно заметил, что со стола исчезла его кассета дневника, в которой время от времени делал записи о своих коммерческих операциях, так, для памяти и своей истории. Подумав, что куда-то засунул и найдется позже, искать не стал.

Магнитофон, бесконечно крутивший на автомате ее кассету то с одной, то с другой стороны, так и остался невыключенным, а под утро он, наконец, заснул.

Проснулся он от настойчивого стука в дверь. Открыв ее, он увидел стоящую перед ним Надежду.

– Слушаешь мою некачественную кассету, которую я хочу переписывать?

– Да, и не вижу недостатков.

– Есть, есть. Я за ней и пришла и уж минут пять стучу. Слышу музыку, а никто не открывает.

Он с большой радостью подхватил ее на руки и, занеся в комнату, посадил на диван.

– Как я рад, что ты пришла.

– Мне приснился кошмарный сон, – ответила она. – В этом сне я родила девочку, а она такая веселая и смеется. Я ее спрашиваю: «Ты что смеешься, как будто из ада в рай попала?»

А она мне и отвечает:

– А как же мне не смеяться? Я же тебя надула, ты ж рожать не хотела, а я все равно свою песню спела. Ты меня таблетками травила? Травила! А я их все собирала и раствориться им не дала.

Разжимает кулачок и все таблетки на пол высыпает, с кровати спрыгивает и, ножками топая по ним, хохочет и хохочет.

– Твоя сексуальная сущность всегда охотилась за мужской, а меня и моих сестреночек в яичниках она ненавидела. Эта страсть тебе подарена богом была только для того, чтоб ты нас любила, а ты все наоборот старалась сделать. Потому и себя, и нас, и природу тела своего таблетками губила.

Далее страшно мрачную картину моей утробы представила в виде откровенного гарема мужиков. В ней они, как тысячи сперматозоидов, рвутся к моей яйцеклетке, а она, как принцесса, поживает на ложе в моих яичниках, наслаждается своим созреванием, как виноград на солнышке.

Далее вижу: сперматозоиды, как пираты удачи, ломятся в дверь моей матки и берут ее спальню, как корабль на abordаж. Наконец прорвавшись в нее, в неистовстве хотят пощупать, и понюхать, и поласкать мою яйцеклетку, чтобы насладиться ее близостью и лаской.

Он прервал ее сонный фантастический бред:

– Разум там, чувствую, не был и мед-пиво не пил, а вот Пушкин со своими сказками точно заходил.

– Ты хочешь сказать, что он мне эту сказку подарил?

– Да нет, он бы, наверно, лучше сочинил. Скорее всего, тебе пьяный ветер что-то напел, и там же уснул, и сном тебе это явил. Я с удовольствием послушаю, что он тебе в хмельном бреду напел.

– «Ветер, ветер», – передразнила она его. – Ты как ассенизатор снов убил желание рассказывать этот кошмарный сон.

– Да говори, говори, не мути, чем тебя пьяный туман и ветер испугали?

Она замолчала, изображая обиженную куколку. Он ее стал ласкать и успокаивать.

– Верить не верить, только все это действительно происходило во сне, – продолжила рассказывать она. – Мне это родившее дитя тогда и говорит:

– Когда я еще в тебе была, притом очень глупа и зелена – в общем, только мужского счастья ждала, ты почему мне не давала поймать мужского счастья рать? Твоя экстаза страсть только себе радости хотела желать. О моем счастье думать не желала и мига слиянья меня лишала. О справедливости мечтала, а в своей утробе ее убивала. Ты предательница своей мечты. Диктатуру своей воли зачатую проявляла и на демократию плевала. Сколько моих сестер загубила, когда они созревали и до матки уж шагали, ты резинку надевала и их отраву глотала. Ты убийца.

До какой бы хитрости они ни умудрялись доходить, ты их делам стоп-кран срывала. Бывали случаи, когда ты до оргазма доходила, а они в ярости резинки твои рвали и из вагины

вылезали, чтобы спермики поласкать, но ты и тогда их пыталась радости лишать. А когда их водою смывала, они зубами за матку держались и гигиеной твоей возмущались. Они даже ложные месячные тебе пускали и спираль противозачаточную сжимали, чтоб в утробе удержаться. Однако ты даже и на третьем месяце счастью их бойню учиняла. Каких-то медик-идиотов с ножами напускала, чтоб они их плоть на кусочки кромсали. Так ты свою природу рвала, и сама стонала, и нам жизни не давала, а ради чего? Мести хочешь? Пиши объяснительную с повинной. Не напишешь, не покаешься – карать тебя буду.

Я ее ударила, а она схватила свою пуповину, обмотала ею меня вокруг шеи и стала душить.

Проснулась вся в поту. Жутко стало. Может, я беременна? Хоть сейчас и не время, но чем черт не шутит, когда бог спит.

Она отлично знала, что для достижения цели в любви, как на войне, все средства хороши. В этот момент ее целью было возбудить в нем чувство зависимости и ответственности, и она проверяла его реакцию. Отлично зная, что забеременеть не могла и этот сон был просто плодом ее богатой творческой фантазии.

Однако это его взволновало, но он не стал оправдываться и возмущаться, а лишь прочел ей стих:

Мне бы молока да с булочкой,
Да на печку с дурочкой.
А еще бы шашлычка,
Чтоб напруга не ушла.
Кровь тогда б в груди кипела
А зазноба песни пела.
Скажет Ванька нам иной,
Выпив чарку в день пустой?
«И зачем думать головой,
Когда краса рядом с тобой?
Беды б не знать в загул такой,
А в подол красавицы своей.

* * *

– Кроме того, – заявил он, закончив читать стих, – я воздерживался от оргазма, а потом все на сторону сплюнул.

– Ты воздерживался, молодец, но когда мужчина это делает, то часть его плоти во время остановки может все-таки выделяться и прятаться в укромных женских складках, выжидая своего момента.

– Что-то ты задумала? Я больше чем уверен, что этот сон – плод твоей болезненной фантазии. Может, что и приснилось, но не в том варианте, в котором ты так красочно рассказала.

– Ладно. Забудь все, что тебе сказала. Я пришла потому, что оставила у тебя часы, где-то в порыве страсти они слетели с руки. Это моя память. Кроме того, я хочу забрать мамину картину храма. Спасибо, что сохранил заодно и свою кассету с песнями. По ошибке взяла твою.

– У меня что, не останется никакой памяти о тебе?

– Зачем тебе память обо мне? Вам, мужчинам, для развлечений нужны женщины поглупей, как в твоём стишке. Если женщина умней мужчины, он чувствует себя ущербным. Хотя у тебя останутся мои фотографии, если я их не заберу.

Он сделался задумчиво-грустным. Она погладила его по щеке.

– Ну не грусти. Если уж ты не можешь со мной расстаться окончательно и так скоро принять решение по разрыву с семьей, давай попробуем пожить вместе, хотя бы несколько месяцев. Поживем, подумаешь, но это даст тебе время прийти к окончательному решению.

Он, улыбаясь, кивнул головой.

– Я уже согласен. Твоя внешняя красота, а после прочтения твоей книги и духовная, меня покорила.

– Вот и прекрасно, теперь у тебя и у меня начнется новая жизнь.

– Ты предлагаешь пробный гражданский брак?

– Как хочешь, так и считай. Весь его период станет нашим испытанием и доказательством моей любви.

Она обняла его и добавила:

– Если быть откровенной, то я сама уже давно не хочу ничего проверять и доказывать. Отношение и дело будут лучшим доказательством всему. Пусть остается только любовь как присвоение абсолютного добра взамен на свои чувства. Для любимого мне ни себя, ни с себя ничего не жалко.

Он усмехнулся:

– Интересная логика. Владей, пользуйся и распоряжайся мной, как собой. Так, что ли? А свобода где, свобода, которая так нужна тебе? Такие, как ты, женщины в истории бегали от законного брака, как черти от ладана.

– Свобода в доверии.

– Прекрасно, но, мне кажется, твоя любовь не сможет дать мне права полного распоряжения тобой как вещью и тебе быть в полном моем владении. У тебя сознание и характер рационального самостоятельного человека. Ты чувства свои можешь отдать только на консигнацию, с надеждой на возврат чего-то большего.

– Фу, как заумно. Красота и любовь в этих формах не живут. Они живут только в гармонии, а она – это тот же закон.

Арабес уже рассмеялся откровенно и хотел возразить, но лишь так же неопределенно промолвил в ответ:

– Вот по этим законам пока мы и попробуем с тобой жить без законного брака. Бросим наши чувства в твою бесконечность красоты, время и быт покажут выживаемость всего.

– Ох, как это все неясно и сложно, я так себе не представляю, что такое вообще быть женой, даже хотя бы на время?

– Я тебе, что это такое и достойна ли этого ты, сейчас расскажу. Может, после этого тебе захочется поискать более подходящую партию или вообще распрощаться с мечтой о свадьбе-женитьбе и семейной жизни?

Он снял с обоев приколотый листок и стал читать:

Крутись, и метайся, и весело пой,
Люби, улыбайся, будь верной женой,
Всегда будь здорова, красива, нежна,
Больная жена никому не нужна,
Всегда поспевай в магазин, на базар,
Умей доставать дефицитный товар,
Ходить на концерты, газеты читай,
Но мужа ни в чем никогда не стесняй.
Он книжку читает – ты пол протирай,
В козла он играет, а ты не мешай.
Он смотрит футбол – ты побудь у плиты,
Он сядет за стол – обслужи его ты.

Он лег отдохнуть – ты детишек займи,
Чтоб папе поспать не мешали они,
Будь ласковым, нежным и любящим другом,
Внимательной, нужной и милой подругой.
Сварливой не будь, не помогут слова.
Ты все получила! Свободу, права.
Но знай, что недаром за все в мире плата —
Тебе две руки подарил бог по благу.
Ты ими умей управлять и стирать,
Мыть, гладить, вязать, обнимать и ласкать.
Держи их в порядке, меть кремом морщины,
Авось прикоснутся к ним губы мужчины.

* * *

– Ты теперь понимаешь, что вот на такую участь ты себя обрекаешь? – прочтя стих, заключил он.

– Не пугаюсь. Прорвемся в шоу-бизнес и заработаем много денег, тогда у нас может быть и домоправительница со всей бытовой обузой. Мы будем заниматься только творчеством. Я уже даже написала стих, как и ранее обещала, чтоб песня на него стала символом твоего, или уже нашего, дела. Он называется «Вальс красоты».

Она стала читать:

Дамам на все времена
Небо с небес от себя,
Словно росу на века,
Дарит любви слова:
«Лишь в руках ваших забот
Мир красотой и живет.
Садом любви всем цветет
Да и спасенья в нем ждет.
Сад этот вечный в душе
Пусть не цветет во грехе.
В нем, как в саду любви,
Каждый цветок от души
Вальс вам споеет красоты.
Вот он зовет вас опять
В мире красу воспевать».
И вот, и вот она идет
И красотой к себе зовет.
И раз, и два, и три,
Идет величие красоты.
Краса земли – святая суть,
Чтоб не венчалась с нами грусть.
Идет и сыплет, как цветами,
Улыбками с любви словами:
«Я есть твой бог и смысл, земля,
И женщин краса – это облик меня.
Как ангелам любви и света,

Им поклоняется планета.
Боготворя жену и мать,
Счастьем готова всех венчать».
Ну вот, ну вот она зовет
Всех за собою, как в полет.
По воле неба и творца
На трон душевного царя.
Любовь, как песня из груди,
Звенит у ней, как гимн красы.
Как ангелу, с мечтою света
Ей подпевает вся планета:
«Установить любви диктат,
Искоренить навек разврат,
Построить Храм мечты людей,
Создать империю друзей».
И верим мы, спасет краса
Весь мир от пошлости и зла.
И раз, и два, и три,
Кружи величие красоты,
Чтоб магией женскою наша земля
В женщинах мира свой рай обрела.
В них, как в пришельцах с планеты любви,
Жизни огонь светит всем из груди.
И будто ангелы с небес,
От мужчин ждут они чудес.
Звон красоты из души до небес —
Это звучание женских сердец.
Звон этот всем на века, без конца,
Пеньем своим очищает сердца.
И раз, и два, и три,
Явись, величие красоты,
Любви диктатом на земле
И с преклонением красе.
А дамы, как цветы земли,
Пусть божество спустят любви,
Как смысл и нежность всей земли.
Вы ж мужской радости мечты.
Как ангелам добра и света,
Им поклонись с мечтой, планета,
Установи любви диктат,
Искорени навек разврат,
Построй же Храм любви людей,
Создай империю друзей.
И верим мы: спасет краса
Весь мир от пошлости и зла.
Пускай не льется в мире кровь
И в душах царствует любовь.
Пусть счастье вселится в сердца
И миром правит красота.

И раз, и два, и три,
В красе величие земли.

* * *

Мы с песней на эти слова покорим мир. Он будет петь и танцевать. Я наконец сделаю музей куклы, буду ездить с ним по городам и селам, воспитывая в девочках чувство материнства. Заодно буду давать концерты, чтоб мир поклонялся красоте. Пропагандировать ее и собирать пожертвования на Храм любви. Разве такой проект и программа реализации не оригинальны? Вот и будешь продюсером, а бытовые заботы, о которых ты рассказал, останутся на других плечах.

– Это совсем другая орбита вращения, я об этом уже заикался. Ты тянешь меня в среду, совсем мне незнакомую. Я, занимаясь реальным бизнесом, хоть и не имею сумасшедших денег, но и не бедствую. Достраиваю дом и дебаркадер под храм, купил квартиру, машину. Сейчас еще хочу организовать производство спирта из отходов производства. Отходы текстильного производства, отходы на плодоовощных базах планирую собирать и делать из всего этого технический спирт. Для полной организации производства не хватает капиталов на закупку необходимого оборудования. Ты же предлагаешь все бросить.

– Ты распыляешься. Надо сконцентрироваться на чем-то одном, менее дорогое, но быстрым и более доходным. Ставь на меня, на мою красоту и молодость. Я тебе принесу быструю удачу. Производством сейчас никто не занимается, это самоубийство. Торговля и развлечения сейчас правят миром. Развлечения, предоставляемые в шоу-бизнесе, – это конечный социальный продукт – форма существования людей, ради чего они учатся и работают. Шоу-бизнес, как сборочный цех предприятия – все ради него. Здесь в наслаждениях и утехах и самые большие деньги, если не считать политики, но она ближе к войне. Надо прорваться в него, и мы решим все проблемы. В этом безумном мире даже петь не надо: сиськи, письки, дураки занимают его больше, чем истины.

Вот под дурачка и будем играть и как бы смехом будем нашу истину толкать. Людям интересней, когда истина донесена им вроде как шутя. Если для того чтоб она была услышана, нужно будет раздеться, я разденусь и станцую даже в храме. Для достижения целей все средства хороши. Деньги, секс, насилие и скандал – это главные аргументы, которые заставляют считаться с личностью.

Он покачал головой, удивляясь ее жестокой решительности.

– Я это почувствовал по прочтении твоего романа.

– Ну, про мой роман мы пока забудем, подумаем позже. Он проблемный. О серьезных работах надо пока забыть. Песни, стихи и действия, желательно танцевальные, лучше соединить в одном номере, как в одном флаконе шампуня, и преподнести людям.

Он в душе уже был согласен с ней, и возникло мгновенное желание напомнить, что многие даже великие творцы умирали в нищете, но посчитал, что в данный момент это не нужно. Слишком убедительна она была в своих доводах, и он стал говорить, о чем преждевременно говорить не любил:

– Я сейчас договариваюсь с одним банком и страховой компанией, но они обещают кредит только под производство. Работы в этом направлении уже начал, пока на свои сбережения, и свободных денег нет. Для того чтоб поднять твое направление, необходимы десятки тысяч долларов, но это только на выпуск и рекламу небольшого альбома. Без мощной же массовой рекламы, которая потребует как минимум пятьсот тысяч долларов, альбом может не разойтись. Я к этому сейчас не готов.

Она продолжала убеждать, настаивая на своем:

– Я точно знаю, что тиражи до семисот тысяч экземпляров расходятся только по Москве без особой рекламы. Более семи миллионов жителей, каждый готов сунуть в свой магнитофон машины что-то свеженькое. Риск минимальный. Выпускать нужно мелкими партиями. Быстрый возврат вложенных денег, и уже на повторном выпуске мы обходимся без кредита.

Кредит под двадцать пять процентов годовых можно легко найти, и сорока тысячи долларов хватит на все про все. У нас остается как минимум семьдесят процентов прибыли. Вкладываем сорок, получаем восемьдесят, отдаем пятьдесят, а тридцать тысяч из прибылей уже наши, и это в течение года и не в рублях. Для рекламы впоследствии достаточно сделать только один клип, и нас будет знать вся страна. Начнем с любовной попсы. Не затрагивая идеологические и политические основы этого мира. Даже твой спиртовой бизнес с этим не сможет сравниться. Здесь нет затрат на основные фонды, но зато приобретается всеобщая известность и деньги в чемоданы уместаться не будут. Слышал об известных группах? Они деньги автобусами возят.

– Известность не мне, а тебе нужна. Я не страдаю тщеславием, – ответил он. – Погоня за славой может сделать твою любовь ко мне любовью блохи: напилась крови и прыгнула к другому, а если деньги будешь перевозить автобусами, то я тебе буду не нужен.

– Арабес, ты меня обижаешь.

– Я думаю о своих возможностях и чем могу пожертвовать. Обычно женщины, когда мужчина попадает в беду, расстаются с ним. Что может быть мне гарантией?

– Вера и только вера в удачу, а от удачи никто не отворачивается. У тебя нет другого варианта, но я не предательница и на меня можно положиться, даже в неудаче.

Ты в своем дневнике с записями на кассете рассказывал, как ты делал сделки, и мне понравилась твоя хватка, твой ум. Ты выходил из самых трудных положений. Мне подходит такой человек, как ты, во всех отношениях. Я полюбила и поверила в тебя и хочу стать продолжением твоей души, а это основа для любого дела.

– Те времена прошли. Я уже не тот, но даже вдруг заработаем кучу денег – что будешь делать с ними дальше?

– То, что уже говорила: закончим твой проект, а еще буду жить и помогать другим талантам. Помогать всему творческому люду во имя созидания, это главное, чтоб таланты никогда не испытывали нужды.

Ведь сейчас таланты мало кого интересуют. Разные бездарности, пошляки и даже подлецы и предатели мелькают на экранах телевизоров или со страниц периодической печати. Чтобы таланту получить гласность и слово, ему нужно заплатить большие деньги. Ныне даже благо могут расценить коммерческой рекламой. Бездарностям это предоставляется зачастую бесплатно, так как они не ковыряют социальных болячек, не призывают к истине, пугая

власть мешка, как я. Сделать все наоборот – значить прожить красиво, с короной на голове и по божьему смыслу. Пусть мир от моего появления в нем станет прекрасней.

– Если для достижения этих сумасшедших целей тебе нужны мои способности, то бог с ним, я пойду на риск. Послужить и выразиться, таким образом, мне даст чести, тем более с такой прекрасной попутчицей. Бог меня простит. Мы будем вместе столько, сколько даст Всевышний. Однако я думаю и о том, кто понесет мой флаг дальше. Кроме тебя вокруг не вижу никого, поэтому и соглашаюсь.

Они снова прижались друг к другу. Он попытался завладеть ею, но она от сексуальной близости отказалась, ссылаясь на появление месячных. Он готов был наплевать на ее краску, но она стала его уговаривать не делать этого.

– Вы, мужички, так неосмотрительно беспечны, не представляете, что это такое, – говорила она. – В эти периоды женщина может вызвать отвращение к себе.

– Нет, ты просто отговариваешься, давай проверю.

Она засмеялась:

– Нет, я такого удовольствия предоставить не могу. Представь, что у тебя понос. Так вот у женщин это ощущение каждый месяц. Ковыряться в этой бяке женщине можно только наедине.

– Да, и за что вас бог этим наказал? – ответил он, и они перешли к дружеским отношениям. Он с расстройства взял гитару, покрутил ее и потом, как бы махнув рукой, запел:

А, была не была,
Неизвестность дороги пред мною легла.
Я как витязь на распутье,
Кость лежит на перепутье.
Туда пойдешь – друзей убьешь.
Сюда пойдешь – в бою умрешь.
Никуда не пойдешь —
Ничего не найдешь.
И мечту потеряешь,
И тоску обретешь.
И вечность страха за спиною
Грозит избитою судьбою.
А перепутье – тьмы бедою,
Картой кроет роковою.
И стою я на распутье,
Словно витязь с болью грусти.
А, была не была, хоть не знаю:
Что найду, что потеряю?
Судьба не балует меня,
Чаще решают небеса.
О дне грядущем мало знаю,
И вот стою и все решаю:
Лучше сделать так, не так,
Потом жалеть, чем уж никак,
И опять потом желать.
На угрызения плевать,
Что не сделано никак.
Знать решение – пустяк.
Даже дело все ж и всяк,

Это проба «наверняк».
Когда ты знаешь иль не знаешь,
Что найдешь, что потеряешь?
И даже если все теряешь,
Жертву эту допускаешь.
Куда идти, зачем идти?
Идти иль вообще не идти?
Вопросом этим не караешь.
Знать, с судьбою в бой шагаешь.
Берешь ее на абордаж,
А не несешь, как саквояж.
Так карту жизни выбирают
И сожаленьем не играют.
Судьбу недешево отдать,
Знать, року смелость заказать.
Кто не рискует, не живет,
Судьба и песнь тем не споет.
А, была не была,
Коли потешится судьба,
Исправят поздние года.
Что найду, что потеряю?
С кем найду, к чему не знаю?
Что, чего, зачем решаю?
Ничего не понимаю.
Ну вот уж все-таки шагаю
И не знаю, ой не знаю,
Как судьбу свою решаю.
Будто в омут с головой,
Вряд ли вылезу сухой.
На распутье, на распутье
Звон в раздумьях перепутья.
Как судьбу свою решать,
Чтоб себя не заказать?
Где соломку подстелить?
Иль о ней совсем забыть?
«Если в омут с головой,
Не кори себя судьбой», —
Говорит мне разум мой,
Я соглашаюсь, боже мой!

* * *

Закончив исполнять песню, он отложил гитару и положил голову ей на колени. Она медленно стала поглаживать его по волосам. Он неожиданно задремал и увидел удивительный сон. В этом сне к нему пришла дама с огнем в руке и промолвила:

– Тебя приглашают дамы и просят выбрать из них себе суженую.

Она будто вложила огонь в его грудь и исчезла. Тут же сразу появилась дюжина девушек, как одна капля похожих на Надежду.

– Так кого ты выбираешь из нас или враз берешь в жены всех нас?

В голове все пошло кругом под дикий смех. Он приложил руку к сердцу, и ему показалось, что оно выскочило из груди и, покатавшись клубком по руке, покатилося к одной из дам. Она его поймала, и в ее руках оно на них вспыхнуло костром. Остальные дамы заплакали, и от слез образовалось озеро. Они мгновенно превратились на нем в корабли с алыми парусами. Держащая огонь в своих руках развела ладошки, и он стал сыпаться в озеро, оно вспыхнуло огнем. Корабли тоже вспыхнули, и все видение исчезло.

В таком сонном состоянии он находился недолго, но с этого момента он решил с Надеждой жить вместе и переехать к себе на дачу.

Глава 8. Новая жизнь

Каким бы ни было увлечение безрассудным, если оно порождает прекрасное и пробуждает дремлющие способности и силы человека, то это, скорее, божий дар.

Автор

В этот же день он собрал все свои вещи и переехал жить с Надеждой на свой недостроенный коттедж, где были отделаны всего две уютные отапливаемые комнаты.

Жена находилась на своей даче, и ей пока ничего сообщать не стал. Она с детьми уже неделю назад уехала туда на четыре летних месяца. В этот период она редко приезжала в Москву и он так же редко появлялся на ее даче.

Дела по спиртовому производству и на дебаркадере он приостановил, а точнее забросил, оставив по доверенности печать и весь контроль по фирме на своего друга и помощника Рушави. Часть полученных кредитных денег он решил использовать на выпуск альбома, рассчитывая быстро их обернуть и снова вложить в дело. Сделать все необходимые перечисления поручил Рушави.

Перед отъездом в один из периферийных городов для записи аранжировок он напоследок зашел вместе с Надеждой к Рушави.

– Ну вот, познакомься, это моя новая спутница жизни. Нашлась та девчоночка, которую я вывез из Чечни, когда тебя выкупал.

– Ты что, разошелся с женой? – спросил он.

– Нет пока, еще не разошелся, но дело, видимо, идет к этому. Тебе, Рушави, нужно будет увидеть мою жену и в мягкой деликатной форме изложить эту ситуацию. Скажешь ей, что я ушел к другой женщине и в ближайшее время нужно ждать бракоразводного процесса.

Рушави задумался. Посмотрел на Надежду и, смутившись, перевел взгляд с ее ног на письменный стол. Она сидела рядом в коротеньком платьице и, мило улынувшись ему, спросила?

– Ну как мы смотримся? – и, пересев к Арабесу на коленки, стала весело смеяться, обнимая и целуя его, при этом на мгновение подняла ноги так высоко, что из-под платьица сверкнули трусики.

– Прекрасно, – почесав у висков, ответил он. – Правда, в нашем Коране говорится, что когда мужчина занимается любовью со своей женой, тогда он разговаривает с Богом и это приравнивается к молитве, а когда с другой женщиной – забрасывается камнями. Вы же мне нравитесь, и камнями забрасывать не буду. Главное, чтоб любили друг друга, ведь человеку для счастья много не нужно, достаточно, чтоб его любили, когда любит он.

Тут он прервал свою речь, будто споткнулся, подумав, зачем им, христианам, он навязывает свое мусульманское понимание. Чувствуя, что сказано как будто не то или не так, стал раздумывать.

– Ну-ну, говорите уж до конца, смелее, а то как будто что-то недосказали. Считаете грехом? – стала допытываться Надежда.

Он продолжил, показывая, что неплохо знает и Библию:

– По Библии, еще до снятия с дерева греховного яблока Бог говорил Адаму и Еве: «Плодитесь и размножайтесь» и грехом эрос любви не считал. Даже когда спрашивал апостола Павла, любит ли он его, тот только на четвертом разе в ответ заплакал, так как в это понятие он вкладывал божественное начало.

– Нет, нет, божественное начало в человеке – это стяжание, только святого духа, и возможно ли оно без стяжания страсти? Не надо говорить о платонической, мертвой любви. Живою, настоящей любовью является страсть духа и тела. У нас даже что-то больше. Просто любви мне недостаточно. Я хочу вечной любви, в каждом миге, в коже и голове. Такая любовь может быть?

– Наверно, нет. Для женщины любовь – это фронт, для мужчины она – это тыл. Мужчина не может себя отдавать любви полностью, так как для него это всего лишь параллельная жизнь, а для женщины основная, – ответил он ей. – Конфликт неизбежен.

Арабес посмотрел на их и, услышав неожиданно возникшую дискуссию, хотел прервать ее, но влезать в нее не стал, так как Надежда ее оживила.

– Фу как грустно, – возразила она Рушави. – Неужто вечная любовь – это сказка? Я так думаю, что если людей объединяет не только красота и секс, но и душа, то это может быть вечным.

– Любовь это в первую очередь буря страсти, поднятая красотой, – продолжал Рушави, – а красота не может быть вечной.

– Этот человек во мне начинает будить зверя, – обратилась она к Арабесу, показывая на Рушави. – Скажи ему, что если роман любви переплетен душевными нитями и общими интересами, как единым сюжетом, он будет вечным.

Арабес усмехнулся и промолчал, а Рушави продолжил:

– Не знаю, насколько это верно, но если душевной и деловой связи может быть найдена замена, и вечность может оборваться.

– Я так думаю, – подхватила она, – если мне легко найти будет замену, то я как человек никакой ценности представлять не буду. Я этого не допущу.

Рушави был с виду тактичным, очень обходительным и мягким человеком, но мог превращаться в жесткий кремень. В данном случае он не стал далее с ней спорить и успокоил ее своим согласием.

Ростом он был ниже Арабеса, и на вид ему можно было дать не более тридцати с небольшим лет. Вел холостяцкий образ жизни. После демобилизации из Афгана увлекался фотографией и даже вел в одном из дворцов пионеров фотостудию, но эти времена канули в Лету, и последние годы он подрабатывал, помогая Арабесу.

С Арабесом они были знакомы давно. Породнила и подружила их Афганская война, оттуда и демобилизовались почти в одно время. Клички их, Рушави и Арабес, были родом тоже от Афганской войны.

Арабес – это все, что осталось от былой клички Арамис, Рушави образовалась скорее от слова «Шурави» и пришла из его плена.

Одно время, перед первой Чеченской кампанией, при содействии Арабеса Рушави промышлял в Чечне нелегальным бизнесом.

Однажды, спихнув туда партию задаром приобретенных полевых кухонь, обмундирования, вывезенного из Восточной Германии с машиной «Урал», он был пленен. Арабесу пришлось его освободить, обменяв через своих однополчан на их пленников.

В Чечне в то время промышляли многие. Коммерческий крупняк, угрожая национальной резней, ломал на уступки правителей, помельче торговали оружием. Оттуда гнали ворованные нефтепродукты, туда – ворованные или списанные военные машины разваливающихся военных частей, оборудование, гуманитарную помощь. Даже люди там со временем стали самым дорогим товаром. В Чечне обналичивали и прикарманивали любую денежную предоплату и все, что можно было украсть. Искать там концов было уже бесполезно. Криминальный бизнес привел со временем к криминальной войне.

– Он как человек, в прошлом связанный с фото, может помочь снять клип, – объяснял Надежде Арабес, – и даже написать сценарий. Раньше тоже играл на гитаре и даже на дутаре, но после того как в афганском плену его помяло, не видел, чтобы он ее брал в руки.

– Я могу, наверно, уже и вспомнить, память почти восстановилась, и если заиграю снова, значит с ней все в порядке, но сейчас хочу сбегать в магазин, а то холодильник пустой.

– Да, и захвати коньячку, – подавая деньги, сказал Арабес.

– Я пойду с ним. Выберу что-нибудь для себя. Ты не против? – спросила Надежда, обращаясь к Арабесу.

– Против. Объясни ему, он все уловит.

– Ты чего? – возмутилась она, чувствуя его недоверие. – Так не пойдет. Ты мне должен доверять.

Она подошла, поцеловала его, и он махнул рукой.

Весь этот день они провели все вместе. Уехав в лес, гуляли, ели шашлыки, фотографировались, рассказывали анекдоты и стихи. Так у костра, уже выпив вина, Надежда попросила оценить ее песню. Взяв гитару и надев шляпу Арабеса, запела, изображая будто бы мужчину.

– «Босонога», – объявила она.

Скрипит, качается и гнется мораль аскета на ветру.
И тех, кто много в жизни любит, о, не судите, вас прошу.
Сама проказником слыву и для музы жду любви.
Вот крест любви свободной дан от бога на груди.
Босонога, босонога! Босонога жизнь моя.
Но дорогою богата, на распятие креста.
Босонога, босонога! Где же ты, любви свеча?
Обогрей меня, дорога, и належ бокал вина.
– Ты не пьешь за любовь, и не надо,
А я выпью, и рюмки за это мне мало.
Босонога, босонога! Босонога жизнь моя.
Обними меня, дорога, дай испытать любви до дна.
Как в очищение греха,
Любовь в творенье мне дана.
От любви до любви
Километры пути.
Я влюбляюсь опять.
Бог, не надо карать.
Я не чувствую вины.
Боготвори мой грех любви.
Босонога, босонога! Босонога жизнь моя.
Хоть любовь – явленье бога, но судьбы моей сума.

В ней богатство и тревога, музы творчества дорога.
Обними ж меня немного, дай испить любви до дна.
Ой, не вини меня, судьба,
Любви дорога мне судья.
И покину я с нею сей мир,
Как проезжей дороги трактир.
Пусть отрубят мне руки и ноги,
Бросят в море, распнут на кресте,
За любовною страстью в погоне
Я воскресну сгореть на огне.
Босонога, босонога! Босонога жизнь моя.
Обними меня, дорога, дай испить любви до дна.
И не судите страсть как грех,
Это не чувство для утех.
Канонизируйте любовь,
Боготворите страсти кровь.
Ох, не ликуйте, страсти гады,
Из Рая, с подлостью удавы.
Я из яблока греха
Всем нажму любви вина.

* * *

С этими словами она налила всем вина. Они выпили, и она, нахлобучив набекрень шляпу, продолжала:

– Босонога, босонога! Босонога жизнь моя. Обними меня, дорога. Дай испить любви до дна и не будь дорогой торной, пусть засветится звезда.

Под общий восторг мужчин она закончила петь и передала гитару Арабесу, уговорив его тоже что-то исполнить.

Поддавшись уговору соревновательного порыва, то в одном, то в другом, он был вынужден тоже запеть.

– Песня «Бес в ребро», – объявил он:

Ой, какая красивая девочка села рядом со мной.
И встали дыбом волосы на голове седой.
Вот улыбнулась тепло, слегка оголив бедро,
Пригласила на танец, и меня понесло.
Волосами взмахнула, показав красоты плечо.
И не знаю, что в бороде, но точно что-то в ребро.
Так красотой рванула, что-то приличье снесло.
Спротивленья металла, юности невелико.
– Ты меня увлекаешь юностью, и не грешно?
К пылкости чувств юных я уже клон давно.
– Нет, нет, вы клон, вы моей юности сон.
Для красоты сердечной седина не закон.
Ваши черты для меня – музыки красота.
Мой любимый аккорд – локона седина.
Перешагни сомнений, прошлого Рубикон.
Я подарю твоей жизни нового счастья звон.

Новый по жизни след,
Новых вершин побед.
И, поправляя седую прядь,
Стала меня ласкать.
– Может, я послана богом,
Будьте мне жизни прологом
И сотворенью надежд радостным эпилогом.
Пусть увлечение сие будет наградой за все.
Очарование мое уж не разрушит никто.
Ни людской молвы беда,
Ни небесная гроза.
Мужчина в возрасте таком
Богат на чувства, честь при нем.
А даме большего не надо,
Им возвышение награда.
Крыша едет, как в жару,
Словно в пустыне воду пью.
Неужто мне фортуна пала?
Иль, как на грабли в лоб, награда?
И бес опять грызет ребро,
Вино любви порой темно.
Зря я считал, что давно уж пройден
Страсти моей Рубикон,
Но красота великой силы крушит седой закон.
Чем же удержит звезду на своде седеющий небосклон?
Кружат, падают листья, страсти стоит былой звон,
Только для юных порывов насколько же хватит он?

* * *

– Как грустно, – произнесла Надежда. – Ты брось эти мысли, выкинь из головы и забудь.
Я тебя не брошу никогда.

Арабес, усмехаясь, молчал, не реагируя на ее слова никак.

Рушави, следовавший за ними, как тень, тут решил исправить ситуацию. Хваля по очереди то одного, то другого, он вдруг взял гитару, решился тоже спеть и этим разрядил обстановку:

– Песня «За чудаков», – и ударил по струнам, старался привлечь внимание, в первую очередь Надежды:

Тик-так, тик-так,
Вышел к публике чудаков.
Тик-так, тик-так,
Время пробило, чудаков.
Наше время тихим боем
Дарит жизнь своим героям.
Ему не нужно дураков.
Ищет время чудаков.
Налейте скорее им чуда вина,
И выпьем безумства бокалы до дна.

Где же вы, голуби нашей мечты?
Где же вы, рыцари риска судьбы?
Помоги же, время, добрым чудакам
Врезать добрым чудом мукам по глазам.
За чудаков, за чудаков!
За донкихотов и творцов!
За тех, кто рад за чудаков
И посылает к ним гонцов.
За чудаков, за чудаков!
За донкихотов и творцов,
Что жизнь красивую творят
И в котле скуки не горят.
За тех, кто к чуду нас зовет
И песни всем о нем поет.
За рыцарей величья духа,
Чтоб не царила в мире скука.
За чудаков, за чудаков, за чудаков!
За донкихотов, зла бойцов.

* * *

Эта песня, исполненная Рушави, даже удивила Арабеса, не то что сама песня, которая ему понравилась, а то, что он запел. До этого он никогда не брал гитару в руки, а с памятью было и того хуже. Радуюсь и хваля его, они еще больше развеселились от того, что хвалили друг друга. После просили Рушави заснять их всех на видеокамеру.

Рушави, поддерживая их возвышенно-радостное состояние и порадовавшись тому, что некоторое напряжение, возникшее между ними, исчезло, с улыбкой провозгласил:

– Дорогу талантам! – убеждая, что только такие, как они, таланты или их доверенные люди, а не бездарности должны быть либо во власти, либо учредить ее. Иначе в обществе всегда будет сохраняться комплекс неполноценности.

Говорил, что в древние времена у китайцев если правитель не умел сочинять стихи, его за бездарность не допускали к власти. Талант, он везде талант. Утверждал, что стихи наиболее полно раскрывают душу и миропонимание людей, а если его нет, то такой человек не имел права и править миром своих сограждан. Только люди с талантом от бога могут править миром, и только они способны решать и покушаться на старые устои, чтобы создавать новые.

– Ты прав, Рушави, – поддакивала ему Надежда. – Муза так или иначе все равно правит обществом, а двоевласть быть не должно. Только если таланты начнут заниматься работой не по их дару, то они станут бесполезными и там, и тут.

– Значит, – продолжал Рушави, – талант, как хобби – это как советская самодеятельность, для дополнительного полно-цельного выражения личности, и только. Профессиональное же выражение – всегда узконаправленная полная отдача, гарантирующая успех. У самодеятельности должна быть своя сцена и своя сфера реализации. Это сфера с поиском душевной гармонии, а не идейного утверждения, и это уже епархии души. Мы здесь тоже самодеятельность, хотя, возможно, и большие непризнанные таланты.

Это утверждение немного озадачило Надежду, так как она пыталась дать бой профессионалам. Что сказать Рушави, она не знала, и сказала что пришло на ум, спонтанно:

– Таланты на земле – украшение ее, они всегда наместники Бога, даже если спорят с ним. Служить во славу Бога – это значит создавать. Только у талантов нынче везде платная сцена, и хоть они и трудоголики созидания, им трудно подняться на сцену. Государство не создало

такой сцены, или только во славу себе. Таланты, идущие от народной души, зачастую создают ему неформат. Без сцены о себе не заявить и ни симпатии, ни внимания других не заслужить. Бесплатны ныне только криминальные сводки с титулом «Ух ты» или «А-я-яй».

– Я не с ней во всем согласен, – как бы обращаясь к Арабесу, сказал Рушави. – Нужна какая-то негосударственная или международная структура, но должной международной морали нет. Поэтому же нынче трудно выживать талантам хоть и положительного, но непринятого формата. Таланты, как вы, потому же могут скатиться в крутую конфронтацию к власти, ища поддержки в таких же душах или других странах. Я бы любых талантливых людей неформальными титулами награждал, а за любое их общественное признание по этим титулам содержание из общественных фондов выдавал. В таком варианте такие, как вы, таланты спонсоров не искали бы и все были бы при нужном деле, а не как ветер в поле в денежной неволе.

– Государство тут, конечно, не разорится, но знаменитости из своих гонораров могли бы такие фонды содержать, – заметил Арабес.

– Ну, тут я лапти не гну, но если не тратиться на войну, то и государство можно было бы потрясти. Тебя бы, Арабес, народ признал королем лир, Надежду – принцессой музыки. Оценки могли бы присваивать в интернете все от мала до велика, и чем больше значимость оценщика, тем больше мог бы быть его звездный бонус признания и поклонения.

Наверно, неплохо бы звучало: князь кисти, музыки или граф слова, паж мысли? Можно даже военные звания присваивать, а коммерсантов обязать ангелов удачи и кумиров из творческих людей себе для рекламы выбирать, а это может чего-то стоить. Их лики могли бы быть вроде лица фирмы. Тогда бы к любому творчеству с большим уважением относились и за чудачество не считали. Обращались бы к таким людям: ваша очаровательная светлость, или духовное величество, и так по рангам творчества. Чем выше их народный ранг, тем меньше была бы стоимость их рекламы и выше дисконт на стоимость творческой продукции как лицу фирмы. Если бы привлечение таких лиц в производство снижало налоги, было бы вообще здорово.

За развлекательное творчество планку титулов поднимать до одного уровня, за серьезное творчество – до другого. Тогда бы серьезные творцы ценились выше незначительных крикунов и авторитетами считались.

– Неужто ты хочешь сказать, что я с Арабесом относимся к последним?

– Нет, как раз наоборот, – отвечал Надежде он. – Более того, я бы все казино превратил в творческие игровые клубы, и думаю, что ты с Арабесом тоже так бы сделала.

– И мне тоже кажется, что он не против был бы, – сказала за него Надежда. – Вы с Арабесом как два сапога пара. Он что-то о возможности творческих соревнований в своем храме говорил, а вот об играх и о народной оценке как будто нет. Только вот эта земля очень зыбка и иллюзорна, на нее становиться не стоит. Мы с Арабесом решили все фантастичное забыть, а поступки свои упростить и предельно приземлить.

– Почему зыбка? – возмутился Рушави. – Что, даже пофантазировать нельзя?

– Что-что? Если они будут на вес золота и на их эмиссию денег запустить, то доход гарантирован. Опять поставил и опять выиграл или проиграл, но играешь дальше, потому что игра – это выброс адреналина. Выигрыш может поднимать святой статус, так как это божья благодать, а он дает больше прав. Так, при проведении религиозных обрядов они достойным могут предоставляться бесплатно или по сниженным ценам, или право на выбор сексуального знакомства. Это я фантазии Арабеса развиваю, а то он все думает, что возможно в храме, а что нет, и никак не продумает. Только, боюсь, ничего не получится, пока любое творчество не станет святым ажиотажным спросом. Таким же оно может стать только тогда, когда значимость творчества от производства что-то будет иметь, а филиалы храма в виде часовен будут на содержании предприятий.

– Я почти с этим согласен, – прихмыкивая, ответил Арабес. – Может быть, потому и не возражаю. Что-то вроде этих фантазий мы с ним на досуге шутя обсуждали, да и с тобою, Надежда, кажется, тоже. Если мне помнится, даже что-то вроде о духовных судах говорили, чтоб святую значимость оценивать по творческим вкладам, как меры духовного развития и совершенства.

– Но использовать это в играх и обрядах – довольно сложный вариант, – попыталась как-то вникнуть в его логику Надежда. – Любой художник – это в первую очередь творец идей, ставших достоянием общества, или не принятый им. В этом их значимость или никчемность, но в любом случае как объекты озарения или безумия они могут заслуживать внимания или избиения через повышение или снижение святой значимости. Я же больше талант исполнения, для украшения и возвышения этой жизни и любой идеи. Вот только подлости боюсь, она может разрушить все хорошее и любое общее дело потому, что мы напрямую будем зависимы друг от друга. Считаю, нужно, чтоб и власть зависела от талантов, и чем больше было творцов, тем больше святая значимость и у нее была. Только мне эта тема про прекрасное далёко уже надоела. Мы с Арабесом уже все решили, теперь только настоящее дело впереди, а не баловство с атомной бомбой фантазий.

Высказавшись, она подошла к магнитофону и решила поменять кассету с надоевшей ей музыкой, но заслушалась. С кассеты зазвучал голос Арабеса, напевающего песню «Дым костра»:

Вот и собрала нас судьба
В ночь у амурного костра.
Вокруг себя, вокруг себя
Уют, романтику даря.
Амурный дым с углей венца
Трещит, как цокот от коня,
Лижет пятки и глаза
И что-то шепчет, чуть дыша.
Хорошо в лесу с огнем,
Горят желания при нем.
Сюда дым, туда дым, на меня,
Разъедает соблазна глаза.
Аве ночи, аве ночи,
Дым костра сверкает в очи.
Я потихоньку ворожу
Под дым на юную красу.
И вот, уж вспыхнув предо мной,
Ее краса зовет с собой.
Аве ночи, аве ночи,
Дым костра сверкает в очи.
Отвяжись, отвяжись,
Отвяжись, соблазна жизнь.
Неужто ты судьба моя?
Вот уж гадаю на тебя.
И от огня страсть закипела,
В дыму ее краса запела.
Ветер дует, мы сидим,
Дулю крутим в дымный пыл.
Но дуля дыму не указ,

Страсть порыва, как приказ.
Вот и кидаю в дым костра
Страсти карты для огня.
Душа уж вспыхнула огнем,
И бьет копытом, как конем.
В радости желания истина моя,
Не легла бы карта, согревал бы зря.
Помолись, помолись,
Помолись, перекрестись.
Плюнь налево, плюнь направо.
Загасить костер бы надо.
Не гадать бы в дым костра,
От него не жди добра.
Салом с икрою, с тостом за любовь
Дали разгулу мы страсти вину.
Вот и радость привалила,
У костра нам стало мило.
Но все чего-то не хватает,
Желанья страсть не угасает.
Аве ночи, аве ночи,
Дым костра сверкает в очи.
Мы сидим к лицу лицом,
Страсть в душе горит костром.
Отгори и отвяжись,
Страсти вспыхнувшая нить.
Не бедуй, не бедуй,
Дымом душу не волнуй.
Отстань, отстань, в тьмутаракань,
В сознание тлеющая брань.
Огонь взывает страсть познать
И в нем потом по ней страдать.
Вот уж, как ведьму на огне,
Сжигаю брань в своей душе.
Сюда дым, туда дым,
Он как страсти господин.
В огне любовного костра
Нет дыма, счастья без огня.
Я в нем не тлею, уж горю
И прожигаю страсть свою.
Куда дуля, туда дым,
Костер горит огнем шальным.
И вот уж этот конь огня
Влетел в меня, и вот душа
Пошла по углям без меня.
Воротись, воротись!
Воротись, шальная жизнь!
Аве ночи, аве ночи!
Дым костра сверкает в очи.
Не вскрывай мне вены, ночь,

Не лижи мне пятки, прочь.
Сюда дым, туда дым, пелена,
Дуля скручена в дыму огня.
Отвяжись, отвяжись,
Вот и потухла страсти жизнь.
Погас костер, стихия стонет,
Страсть по углям душу не гонит.
Бог, ну прости мне страсть огня,
Суда не требуй для меня.

* * *

– Ха-ха-ха, – произнесла Надежда, нажав на кнопку «стоп» магнитофона. – Это ты мой стих поешь, из книги «Леди грез». Что, понравился?

– Да. Понравился, и когда грустил, напел. Вот сейчас картинкой стал к нашему костру.

– Мне твое исполнение понравилось, как будто специально для нашего огня. А дальше что? – спросила она и включила магнитофон снова.

– А дальше мои наброски мыслей по организации храма и некой религии. Рушави их обработал в сказку и представил в виде беседы с некой журналисткой, которая хотела что-то написать о моей затее. Можно не слушать, иначе отнесешь к баловству с атомной фантазией.

– Нет уж, прослушаем, – возразила Надежда, и они притихли, слушая голос с кассеты, который начал говорить, что это просто художественное изложение соображений автора проекта в интерпретации любознательного гостя.

– Когда я встретила с этим человеком, который, по его намерениям, хочет построить храм любви с музеем любви и историей ее развития, это заинтересовало меня. И вот я встретила с этим человеком на его корабле-сказке, который рабочие называют кораблем любви, на котором не хватает только алых парусов и пока еще идут отделочные работы.

На мои вопросы: какой смысл вы вкладываете в храм любви, который кажется сказкой? Что и как вы решили видеть в некой реальности? – он мне отвечал очень долго и изложил уклончиво, тоже в виде сюжета-сказки. Я постараюсь передать все его суждения в своем и его понимании, как восприняла, и теми же образами.

Так он говорил:

– Храм в моем понимании – это скорее храм новой семьи – любви, а значит храм Бога счастья.

– Разве ныне это не так?

– Да по идее вроде так, только любовь вечной не всегда бывает, а семья без вечности огня бедой страдает, и законной не бывает, и божьей истины не знает.

Право на истинную жизнь в разных политических системах и эпохах мировой цивилизации всегда давала любовь и все, что вокруг нее. Как бы мы ни хотели, но истина в ней без страсти никогда и не жила. Однако сама страсть, как ни парадоксально, всеми религиями и ныне считается грехом. Хотя время требует, чтобы это общение, которое стало высшим таинством человеческого счастья и душевного оргазма, стало основой научного и управляемого процесса. Жизнь давно стала открытой в интимных вопросах, а религия по-прежнему к этому вопросу подходит в черной повязке греха.

– Нет, – возмутилась Надежда, прервав звучание, – ты, Арабес, опять в своем амплуа. Я сойду с ума, но все-таки дослушаю тебя, раз ты уже моя судьба.

Она снова нажала на кнопку «пуск» и услышала голос Арабеса:

– Я в связи с этим хочу рассказать стих, – и тут же стал читать: – Стих «Слепой».

Разбиты на земле давно
Фонари любви, и темно, темно,
Но идет по земле слепой,
Освещая свой путь свечой.
Ослеплен, совсем он ослеплен
Враждой народов и злобой племен.
Как пилигрим надежд и свеча,
А вокруг него только мгла.
Разбиты на земле давно
Фонари любви, и темно, темно.
Как чужой, как чужой на планете зла,
Он идет с добром, он стучит в сердца,
А людям на него наплевать,
Бьются в мире они за власть.
Разбиты на земле давно
Фонари любви, и темно, темно,
Но идет по земле слепой,
Освещая их путь свечой.
И зачем ему свет, не поймут,
А он бродит то там, то тут.
«Зачем светишь, – твердят, – чужак?
Брось свечу, ты не видишь никак».
Разбиты на земле давно
Фонари любви, и темно, темно,
Но идет во мгле со свечой слепой
И верой путь освещает своей.
«О! вера, прочь, да будет ночь!»
Поет безумства мира дочь:
«Сей мир, хоть зрячий, но слепой,
Идет кровавою стезей.
Кругом безумства карнавал,
Под ним валютный тротуар,
И зачем свет любви ему
Держать, когда он хочет мглу?
Чтоб в пропасть зла не смог упасть?
Одной свечой мир зря спасти».
Разбиты на земле давно
Фонари любви, и темно, темно.
«Сосватай, свет, всем доброту и под венец,
Да поднимите по свече все наконец.
И тьмы отчаянья стечет из них свинец.
Я погашу свою свечу, и света божьего отец
С небес прольет всем свет прозрения сердец.
Пусть загораются в сердцах огни,
Чтоб люди братьями назваться в нем могли.
И фонари, и фонари любви тогда
Осветят мир ваш от начала до конца.
Покинет всех людей вражда, исчезнет мгла,
Я бранный мир тогда оставлю навсегда.

Моя свеча ему не будет уж нужна», —
Слепец промолвил, и погасла вдруг она.

* * *

– Ваш стих мало говорит о вашей затее, а скорее о каких-то общих вопросах любви. А слепым вы, похоже, видите себя? – заключила журналистка.

– Скорее это образ, – отвечал он. – Иначе в ответе на основной вопрос я буду выглядеть очень скучным. Если вы вытерпите меня, то слушайте.

Он издалека и уклончиво начал свое изложение:

– В моем представлении храма я пытаюсь разрешить проблему неформальных сексуальных отношений и как бы создать узаконенные их формы. Все религии считают секс как первоначальный грех, но я считаю это слепотой святости общества, что уже превращается в его бескультурье, с вырождением нравственного сознания, так как социальные условия пережили времена образования семьи. Если любовь – это состояние души, то это значит: только она может узаконить любой незаконный брак. Соитие людей на тот период не может не допускаться богом, так как любовь – это бог, и только в этом случае чувства действительны и являются красотой и счастьем общества. Ввиду этого я предполагаю возможность юридически оформленных брачных отношений как формы интимного общения на период гарантированного выражения чувств. В этом моя свеча, которую я несу перед собой, хотя сам пока не вижу правильной дороги.

Как-то мне было видение. В нем я стою перед божьим судом, и он мне говорит:

«Вы считаете, что ритуал принятого процесса бракосочетания становится уже не обязательной необходимостью? Однако как без него узаконить отношения любви?»

Мне трудно было ответить чем-то внятным, но я все-таки постарался как-то объяснить свое устремление.

Если идти к истине, то я своей сутью вижу, что в жизни надо постоянно доказывать и гарантировать свою любовь и этим поднимать свою душевную красоту и духовную значимость. В этом стремлении надо исключать влияние имущественных ценностей и их значимость. Их нужно заменять святыми духовными ценностями. Такой подход мог бы сделать узаконенным секс-союз через моральные обязательства с чувственными гарантиями, нарушение которых должно нести святое правовое или божье наказание. Однако в обществе право не рассматривается как форма проявления любви, и все перед ним равны и обезличены. В силу этого свое право превосходства люди пытаются утвердить силой и деньгами, а не добрыми делами. Мы живем потому в мире насилия. Если создать духовное право душевной святости, то только это может исправить мир насилия.

– Ну так узаконить стихийный секс нельзя, и он должен быть поставлен вне закона, – возмутились судьи. – В действующем законодательстве нарушение морали хоть не преследуется, но религия осуждает этот грех.

– На прошение этого греха вы только зарабатываете, но не исправляете и не участвуете в его исправлении и формировании. Для сотворения счастья уже нужна такая мораль, которая сотворила бы небесный Рай, а для этого кара нужна от значимости несогласованного греха и манна для добра, а не от бабла и большого кулака. Это возможно, только если научиться ценить и сохранять чувства людей как великое добро. Ведь все ныне узаконенные браки предопределены только имущественными, а не чувственными оковами. Надо ли вообще узаконивать юридически брак в ЗАГСе, если достаточно полюбить и получить на это святое божье право благословением?

После пусть поклонятся в чувствах при согласованной гарантии отношений получают божью благодать семейной значимости или совместного сексуального общения. Это может

заменить, если не дополнить узаконенные через имущественный брак традиционные семейные отношения.

– Похоже, ты, как Прометей, ищешь огонь истины для смутной и наивной мечты всего человечества? Так вот мы тебе сейчас завяжем глаза, дадим свечку, как в твоём стихе, и ищи истину. Если найдешь, мы тебя судить не будем. Пускай судьей тебе будет твоя совесть.

Далее он рассказывал, как ему завязали глаза и он пошел, а какие-то голоса сверху ему говорили:

– Твоя попытка реконструкции существующих браков в неких религиозно-фантастических формах – блеф, разрушающий существующую семью. Нам конкуренция не нужна. О необходимости системы каких-то новых браков и новых обрядов на основе духовной, а не имущественной значимости личности говорить стали. Стали рассуждать, какими они могли бы быть, и пришли к тому: что они, какие они, никто не знает. Этой истины тебе никогда не найти, молвили и просили не мутить своим языком, как илом, да и не лезть в святые советники с грешным рылом.

Страшный небесный хохот зазвучал над его головой.

– Мы чистильщики грешных душ, – кричали над его головой непонятные ему создания. – Если ты считаешь, что любовь – это моральное и духовное слияние душ, то логически только боги любви должны спускать право на сексуальное общение.

– Так, может, на утоление грешной жажды тоже нужно разрешение богов? – восклицали другие голоса неких фантомов. – Где же может быть истина без греха?

– Для утоления жажды нужен труд или большие деньги, а они без греха – это глупости беда, – гласили другие фантомы. – Сексуальная страсть как нужда тоже должна быть подчинена этому закону всегда.

Он посмотрел вокруг и увидел, что над ним, как бесы, носятся некие чудовища.

– Что молчишь? – крутя воздух с песком, угрожающе молвили они. Он, преодолевая страх и ужас, собравшись с силой, решился молвить.

– Вера в храме семьи и любви должна стать международной научной религией человеческого счастья и права, а любое право человек должен заслужить добром, – отвечал он им. – Заниматься спасением души, но с отрицанием страсти души спасать бесполезно. Настоящая церковь, храм должны быть неким институтом, который будет обслуживать интересы бога, не отчужденного от интересов человеческого счастья, любви и страсти.

Современные веры, к сожалению, только обслуживают интересы власти и общественного спасения через божье поклонение, перед угрозой божьей кары. Поэтому повторюсь, что нужен новый интеллектуальный институт нравственности и веры во имя счастья на земле, а не на небе. Он должен быть построен с научным диалогом и индивидуальным подходом к каждому мирянину и исходя из психологии личности. По этой вере, человек должен создавать свою семью и себе подобное продолжение, а с этим и новый мир как единую формацию всех людей планеты. Семья любви как божественное начало новой создающей жизни должна сохраняться святым духом любви.

Тут он услышал крики: «Браво!» «Браво!», и он почувствовал, что это кричит его драгоценный друг.

– Кто ты, с криками «браво»?

– Я истина, которую ты ищешь.

Он сделал несколько шагов навстречу к ней.

– Куда ты идешь, слепец, не делай последний шаг, – услышал он вновь голоса фантомов над собой. – Там пропасть с бездной, упадешь и не дойдешь, и лишишь нас удовольствия воздания тебе кары.

Однако он пошел и тут почувствовал, что невидимый меч отрубил ему голову, но она по-прежнему осталась на голове и словно снова приросла к шее.

– За что? За что?! – вырвалось из его уст, и свеча в его руках превратилась в костер. – Да пребудет сила любви и перенесет меня через бездну, – стал вопрошать он, будто обращаясь к своей внутренней божьей силе, и сделал следующий шаг в бездну.

– Это неубиваемый человек Бескимето, – закричали фантомы над головой. – Эти люди могут жить и без головы и даже пожертвовать ей ради своей мечты. Мы думали, что если отделить его мозги от души, то можно вылечить ее и управлять ей, а голова снова приросла. Таких людей убить нельзя, так как они берут жизни силу от любви, а убить любовь – значит убить бога.

– Да, это какие-то чудеса, – воскликнули судьи, – но он никогда не дойдет и найдет истины и в свой храм ни священников, ни духов своей веры, которые бы могли заботиться не только о любви между мужчиной и женщиной, но и о любви между детьми и их родителями, с поклонением духу любви.

– Тогда и общество начнет вымирать и разлагаться. Кто же будет следить за формированием любовных отношений и качественным демографическим приростом населения, если его религия любви – это блеф его фантазии? – опять вопрошали фантомы.

– Ныне ученые земли предполагают наличие единого энергетического поля земли, значит, надо полагать наличие единой созидающей энергии как святого созидающего поля, под которым можно предполагать силу любви как ее бога, – в раздумьях стали молвить судьи меж собой, – но это не его ума дело.

Даже если переход неорганической душевной материи в органическую возможен, то не может происходить без тайны стяжания, святого духа. Вот тут за это его можно было бы и судить, но пусть этим занимается теперь его совесть, если она не погибнет с ним в бездне. Он уж в нее шагнул. Ведь по Писанию, при сотворении человека из плоти земной Он вдохнул им вселенскую суть жизни, и у человека появилась душа, которую мы сотворили из совести. Нет совести – нет души. В своем моменте истины он хочет сказать, что душа может превращаться в тело. Это абсурдно. Душа является частичкой единого энергетического поля звездной вселенной. Потому расположение звезд на небе определяет дух человека. Не все благополучно, видно, с его душой. Невидимый гороскоп звезд определяет его смысл жизни, и может, звезда его уже сгорела, а значит, и его вера сгорит. Даже по его вере его бога нет, и он хочет стать сам себе богом. Это великий грех.

– Может, его звезда загорится вновь? – вопрошал один из них.

– Звезды вновь не загораются, – отвечал другой.

– Значит, пусть превратится в другую звезду или даже распадется в созвездие.

– Нет, ждать не стоит, – опять возражал другой голос. – Созвездия, которое могло бы стать его верой и моральной обителью, пока нет, а значит, и не должно быть его.

– Ну, судьи, вы сейчас скажете, что душам требуются своя менделеевская таблица, чтобы миростроительство счастья началось от строительства души. Из дракона души никогда не сделать души тигра. Святое божественное созвездие не отпустит от себя никого. Давайте помянем его душу. Он, наверно, уже разбился? – молвили фантомы.

– Он никогда не разобьется, хотя и шагнул в бездну: в ней нет дна, будет вечно в падающем полете и погибнет от своих страданий, потому что в бездне истины нет. Лабиринт его мыслей приведет его в тупик жизни, а совесть превратит его в призрака вечности.

– Где ты? – вдруг кричит за бездной истина ему. – Не погибай!

Из бездны вырвался его глас:

– Я в бездне, и кругом темно, я вернусь все равно.

– Пусть огонь любви превратится в твою птицу мечты и поднимет тебя, или я брошусь к тебе сама.

Фантомы, испугавшись этого соединения, связали истину и как продажную девку бросили под распяты Иисуса Христа для раскаянья.

– Истина любви, ты всегда была и будешь продажной девкой или божьей жертвенницей, как спутница Христа Мария, выбирай, иначе мы тебе изуродуем лицо и больше истина не будет привлекать никого.

– Божественная вселенная спасет меня, – молясь, твердила она. – Жертвенностью меня не испугаете. Любовь всегда была жертвенна. Через воспитания и дар чувств она жертвует и дарит тело. Воспитанием этом должны заниматься не только в духовных институтах. Гормоны и феромоны жертвенной любви скоро будут воспроизводить даже научным подходом в культурах жизни боги всех народов. Воздушный храм вселенной через чувственный культ созидания жертвенного добра семьи ради воспроизводства любви и жизни вернет мне красоту. Истину этого навечно нельзя ни убить, ни изуродовать.

Естественно, она требует и сотворения, мира согласия, а не войны. Для этого рано или поздно потребуется согласованный с каждым типом личности свой бог, с морально-духовным кодексом человека любви, чести и семьи счастья.

Они прервали ее бред, заклеив скотчем рот.

– Теперь ты не докричишься до богов вселенной и всегда будешь скована цепью у креста мученика.

Тут из бездны поднялся туман, и крест мученика, превратившись в крест из роз любви, стал каждой розой излучать свет. Под светом роз скотч как будто растворился, и истина закричала:

– Плачьте, все фантомы из прошлого, и верьте: над бездной поднимается новый свет любви.

– Не блефуй, истина. Фантомы кары никогда не плачут, – отвечали они. – Тебе не кажется странным, что люди, прежде чем приступить к трапезе, вроде бы желают перекреститься? А вот почему перед занятием любовью с утолением страсти это как бы делать у них не принято? Не везде, истина, ты права – это потому, что ключом от сердец всегда является Грааль страсти, который находился у нас, а не у тебя. Мы не требуем, чтоб перед испытанием страсти все стремились молиться и канонизировать нас. Однако она, страсть, как была, так и останется достоянием полов и нашей стихии, а не законов божьих.

Подчиненная стихии порыва, она не может быть подчинена ни божественному, ни какому-либо другому праву. Она, как птица в штанах, может не по божьей воле и улететь перед тем, как в постель лечь. Убить страсть – это все равно что убить птицу любви. Она нужна для сотворения и новой жизни, и любви. Каждый человек может получить благословение и освящение любви, но страсть дается только тем, кто обретает гармонию желаний неплотонической любви. Грааль страсти – это наша собственность и не может даваться жертвенной любви. Страсть – это эгоистическая напасть. Мы бы даже жертвенную любовь запретили законом. Она мужчине противоестественна. Стремиться нужно не к жертвенности, а только к власти как мужскому лицу мира. В этом случае жертвенность, только как дамское лицо, не может быть истиной мира, иначе, как дама, всегда будет перед силой и деньгами ломаться.

– Какой бред, – возражала истина. – Да сгорите вы в огне моего света.

Крест вспыхнул еще большим светом, и фантомы как исчезли в этом свете. Грааль страсти упал и укатился в бездну. Судьи ахнули, а из бездны вылетел их осужденный на голубой птице счастья.

– Когда я шагнул в бездну, – молвил он, – то моя свеча сначала стала костром любви в моих руках, а когда в него попал Грааль страсти, то мой огонь мечты превратился в голубую птицу счастья.

Он обнял истину любви и, словно слышал, что происходило над пропастью, сказал:

– Ты права. Лучшая жизни, как душевная епархия, должна быть похожей на любовь и жизнь Марии Магдалины. Это со стоном говорила моя совесть, когда я упал в бездну. Она приняла мои мысли и жертвенности любви как святой брак сердец. Как хочешь, можешь счи-

тать божьей подастью. Такая любовь – отражение всей сущности женщины с вечным кодексом материнской чести. Она должна возвеличить женственную красоту мира через религию ее любви, ибо только женская жертвенность стремится к созидательному началу. Женщины жертвуют свою красоту, как плоть этого мира, ради того чтоб создать новую божественную плоть, в этом инстинкте страсть красоты вселенной, есть святость жизни.

Мужчина же создан для заботы о женщине; даже когда он жертвует жизнь своему делу, дух его всегда служит ей. И в этом есть его жертвенность любви и судьбы. Церковь и вера должны обожествлять и канонизировать такую духовную семью и любовную связь божественного начала Инь и Ян. Если ты согласна, будь госпожой моего храма любви.

После он поднял добытый в бездне Грааль и торжественно подарил истине любви.

– Вот теперь ты настоящая истина и должна сложить мораль религии любви, вытравив из сознания людей техническое мертвое восприятие слова «секс». В храме должна действовать секта женского и мужского духовного очарования. Обряды очищения душ, чтоб дух любви никогда не покидал людей. Призывы к духам любви должны стать молитвенной традицией поклонения, во имя ощущения счастья. Если это будет так, вы можете считать меня своим суженым.

Судьи, наблюдая эту мелодраму, не на шутку взволновались, им опять показалось, что он, явившись из бездны, не сделал для себя должных выводов и, более того, успел объясниться истине в любви. Оставшись по-прежнему еретиком в своих помыслах, считал себя святым праведником и любвеобильным мужем. Со святостью это в их сознании не могло быть совместимым. Кто-то из судебных заседателей призвал его оскопить и принять святой постриг, так как, считали они, руководить храмом мог только святой и бесполой в натуре и в мыслях господин.

Он возмутился, стал возражать. Председатель стал угрожать принуждением к кастрации. Вытащил какое-то письмо, и стали зачитывать как обвинение:

– Вот мы нашли ваши записи, где вы излагаете, что в храме, в обрядах и обрядовых танцах планируете проводить поклонения любви и семье под бой барабанов, с какой-то музыкой любви, где шаманы любви должны вызывать духов любви по любому требованию ее поклонников. Проводить театрализованные обряды излияния любви для вступающих во взрослую жизнь. Даже обряды отпевания с песнями святых невест любви планируете, с выбранными ими духами любви, в каком-то торжестве, до момента излияния чувств и признания в любви. Женщины и мужчины, по-вашему, должны делать заклинания духам и богам любви, слушать их напутствия. Это же обряды дикости человечества.

– Разве это не ересь? – возмущенно заявили его присяжные. – За такие мысли, а тем более записи как послания, вас совесть к анафеме и каре разве не призвала?

– Боже вас упаси, какое кошунство, совесть с моим сознанием в ладах и заодно, – взмолился он. – Святость, к которой вы призываете как к основе для традиционной семьи и любви, противна природе божественного созидания. Святостью должна быть полная свобода выражения этой природы, что стимулирует и душевное, и физическое здоровье. Нерегулярный секс как нерегулярный сон. Я могу любить истину и жить с ней, но это не значит, что она будет ревновать меня к женщине. Только в любви к женщине истина будет любить меня. Даже если я сразу буду любить двух дам, истина не покинет меня, так как не всегда одна дама может физически обеспечить регулярность полового общения в силу многих природных причин.

– Во, какой бес! – воскликнул кто-то из заседателей.

Он перекрестился и продолжил:

– Я не бес и мечтаю о возможности свободной освященной любви. Для этого планирую создание и пантеона жертвенной любви, где во имя бога страждущие должны приносить в жертву любви свое тело и душу. В молодости, когда нет условий для постоянства условий и чувств, это может быть одна любовь, в зрелые годы – уже другая, что может диктовать не внутренняя, а социальная необходимость в любовном партнере как божу ее счастья.

– Нет, нет, это действительно кощунство, и за это тебя мало еретиком признать! – восклицали заседавшие. – К каре его, и карать как можно скорее. За причинное место и на дыбу, пока оно не отсохнет и он святым не станет, так как раскаиваться не хочет.

Появились вновь фантомы кары, которые его раздели и, скрутив причинное место бечевой, потащили на дыбу. Тут возмущенная этим поступком истина вступилась опять за него:

– Вы так же карали и Галилея, когда он твердил истину, что Земля крутится вокруг Солнца, а не Солнце вокруг нее, и это говорит о том, что и сейчас вы можете быть не правы.

Подхватив из его рук Грааль страсти, взмахнула чашей, и огонь, выплеснувшийся из нее, всю судейскую инквизицию объял огнем – она исчезла. Из бездны вновь поднялась синяя птица его мечты и на себе подняла Солнце. Истина подобрала потерявшего сознания Арабеса и пошла навстречу Солнцу.

– Вселенная тоже женщина и тоже самая большая истина, – молвила она. – Молись ей, и она спасет тебя.

Тут Надежда выключила магнитофон.

– Не хочу слушать дальше. Крутая у вас получилась сказка с неизвестной журналисткой. Можно по ней даже песню сочинить. Только скажите, посвящение во взрослую и сексуальную жизнь тоже будет делом храма? Молодежь тогда за жертвенной любовью к вам в очередь выстроится. Традиционная семья среди них рано или невозможна, или свобода мила, а трахаться без осуждения и законно с некой ответственностью многие хотят. То, что вступать во взрослую интимную жизнь надо с любимым, но знающим его человеком, не секрет. Тут женская жертвенность – еще и ее радость. Похоже, вы в этой сказке говорить об этом постеснялись или что сказать, не знаете? То, что в этом черт ногу ломает и как что делать, тоже никто не знает, если его без официального брака не разрешать, можно бунт поймать. Если бы вы все-таки толковое что сказали, то меня бы удивили, а так – пустая фантазия. Неужто планируете проведение обрядов женского и мужского посвящения в мир любви через божественные ритуалы? Отвращения с комплексом женской фригидности не ждете сотворить? Многим лучше заниматься сексом без огласки, только бы спустить напругу, если вообще не заниматься.

– Возможно, и это учтем, – буркнул Рушави.

– Я так не люблю неопытных и стеснительных мужчин. Вы что, и им помощь планируете?

– А почему нет? – опять возразил Рушави. – Девушкам и парням после посвящения в мир любви должен присваиваться статус рыцарей и принцесс любви. (Возможны и другие варианты.) Девушкам после медицинского прощания с девственностью может присваиваться ранг не просто принцесс, а святых принцесс.

Надежда рассмеялась, повторяя: «Какой бред», а Арабес в раздумьях смотрел на ее импровизированный концерт.

– Ну это же дуристика, – продолжала, она отсмеявшись. – Выкиньте эти мысли из головы и больше не думайте так. Проще публичный бордель сотворить и мозги не мутить. Ведь это ни в песне сказать, ни пером описать.

– Описать как раз проще всего, сделать сложно, – заявил опять с вниманием к ней Рушави. – Я эту постановочную сказку по записям Арабеса сотворил как рекламу. Думал, думал и ничего лучшего не придумал. Ведь если официально бордели творить, то официально нужно будет социальную значимость дам понижать и неравенство утверждать. Что это может быть так, вот честное-крестное мое слово, а в нашем храме все может быть в святой раме.

– Ну, раз мусульманин перекрестился, то давай я посмотрю эти записи, из которых ты сказку сотворил.

– Сто лет бы тебе, Надежда, это было не нужно. Говорил же, за страх примешь. Это так, заумные мои размышления, чтоб мозги погреть. Все сказано не к сегодняшнему времени, может настичь оцепенение от категоричности суждений.

Она, как рассерженный пес, выхватила листки, которые Рушави достал из балетки, но, услышав мнение Арабеса, уже хотел засунуть обратно. Покачав головой, он не стал уже их отбирать.

Стараясь обнаружить некие здравые для коммуникации с ними мысли, развернула и стала молча читать:

«Для развития правильной сексуальности, вопреки всем законам святости и неприкосновенности, для блаженства и ощущения счастья, чтоб жить, как на седьмом небе, необходимо грамотное, райской сексуальности воздействие на психику. Это требует оптимизации сексуальных потребностей для правильного психического развития и поведенческого образа в обществе.

Естественная религиозная забота о таком развитии чувств должна быть в основе веры любви. Ранее считалось, что только высшее общество способно любить, но сегодня ясно, что это далеко не так. Телесное и духовное надо превращать в фантазии и мечты человека, которые должны сбываться и являться любовью. Сексом как частью любви нужно заниматься в любом зрелом возрасте. Даже если женщина перешагнула детородный период, сексуальные ее влечения не исчезают, и не всегда это должно приводить к беременности. Право на рождение должно быть вымоленным и даваться свыше, как и блаженство любви».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.